

ВИДЕНИЯ « ЦАРЬ - РЫБЫ »

Весна бросала нас то в жар, то в холод. В зарницах войн, в запарке политических страстей, в ненастьи праздников и горячем порыве к солнцу Пушкина прошла она, последняя весна нашего века. Но и на этом фоне новый спектакль Красноярского государственного театра оперы и балета представляется событием выдающимся.

Скажу сразу: я не был на премьере. Лихие времена! Велика Россия... Конечно, спасибо технике и комиссии музыкального театра Московского союза композиторов. Но видеофильм, даже с подробными комментариями авторов, не заменит живого обаяния театра. Впрочем, неспособна это сделать и самая подробная рецензия. Так что спешите в Красноярск!

"Царь-рыба" ("Сон о белых горах"). Двойным именем нарекли свое детище композитор Владимир Пороцкий и балетмейстер Сергей Бобров. Они же написали и сценарий.

...Хорошо помню, сколь многих потрясло повествование в рассказах Виктора Астафьева, появившееся на страницах журнала "Наш современник".

Тогда, в 76-м, современникам казалось, что нет для страны более страшной, смертельной опасности, чем планово-бездумное убийство все еще "непокоренной" природы. "...Пока жива природа, живы и красота, и человек, а коли живо искусство, значит живо сердце Творца и Созидателя, жива Россия наша многострадальная и терпеливый русский народ". Четверть века спустя эти слова писателя мольбой взывают к Творцу Спасителю.

Таково и страстное звучание спектакля — синее, красное, белое с золотом сквозь черноту помраченных душ... Он увидел свет в Великую субботу 10 апреля 1999 года. В переполненном тысячном зале был и Виктор Петрович Астафьев: премьера посвящалась его 75-летию.

...Синее, красное, белое с золотом сквозь дурноту... К сожалению, по-настоящему увидеть, тем более оценить работу московского художника Дмитрия Чербаджи по видео невозможно. Надеюсь, простят меня и ценители балета, почитатели таланта Сергея Боброва из Большого театра. В свои тридцать пять он лауреат международных конкурсов, автор таких ярких постановок, как "Инфанта и шут" (Сан-Франциско, 1995, на музыку Концерта А. Шнитке), "Антигона" (ансамбль М. Пекарского с музыкой В. Мартынова, В. Артемова, В. Екимовского) и др.

Владимир Пороцкий 26 лет — "лучшие годы!" — прожил на Дальнем Востоке и в Сибири. Много ездил, видел БАМ, помнит кампанию "поворота рек"... Варварство варначества, одичание, опустошенность земли и душ — для него не простые слова. "Ненадежно дело варначье" (В. Астафьев) — но страшно и все ширится оно! Над "Царь-рыбой" Пороцкий впервые задумался в 87-м, в Красноярске. Астафьев "сильно удивился" самой идее балета, но в 91-м он был-таки написан. Все планы нарушил неожиданный уход балетмейстера В. Федянина из театра...

...Боброва знакомил с музыкой Дмитрий Котов — опытный музыкант, работавший с Ю. Григоровичем, "настоящий концертмейстер-постановщик, человек-оркестр!". Новый спектакль — не "редакция" несостоявшегося балета, а новое произведение. С. Бобров: "Совместная работа с Владимиром Яковлевичем была долгой, трудной... настоящая мясорубка". В. Пороцкий: "Около сорока минут музыки просто ушло, в том числе и заключительный хор на текст из Екклесиаста. Что-то переставили, многое дописано заново... и процесс еще идет. Но такой работе с постановщиком был бы счастлив любой композитор".

Что же получилось в результате этого сотрудничества и помощи двух десятков солидных спонсоров, достойно представивших финансовый и культурный потенциал Красноярского края?

Яркое, мощное драматическое действие с хором, полурочасовая мистерия-поэма. Несколько планов скрещиваются в ее хореографическом пространстве (впрочем, и у Астафьева "Царь-рыба" не имеет сквозного сюжета). Музыка, цвет, свет скрепляют воедино все, общее впечатление отчетливо и сильно.

...Тяжкие унисоны меди на фоне красного занавеса. За ним преливаются синие глубины (Енисей? моря тайги?). Отражения, блики, извивы темы и тела Шаманки (она же — "царь-рыба",

живая душа природы). Магия рассвета: от темных ритмов ударных к полнозвучию оркестра и ритуальному унисону мужского хора. Солнце взошло, солнце красное.

Так уже в прологе установился тревожный пульс цвета (красное-синее-красное, то в жар, то в холод), ритмы противоборства шума и тишины. Здесь же — исток магического воздействия хора, определившего (по крайней мере для меня) своеобразие всего звукодействия.

Живой голос, соборность людского пения — и дикая "тусовка" компании Герцева (нахрапистый "дискомарш", торжество механических ритмов и режущие-колющих тембров). "Новорусская" агрессивность пластики великолепного Марка Перетокина (Герцев), зловещего пришельца из черного города — и мирная неторопливость деревенской вечерки с песнями (красноярская лирическая "Чесал Ваня кудерцы" у женского хора), с хороводами, с озорными частушками парней (текст из книги Астафьева) и легкими скерцо Касьянки-девочки. Вот главные образы I акта, завязка конфликта "двух культур", несколько ослепленная лирическим монологом Акима (Андр. Асиньяров) и явлением Анастасии (Марианна Рыжкина). Быть может, только тихий звон, завершающий ее страстный дуэт с Герцевым, предвещает будущее...

II акт. Страшная музыка пролога в багровых тонах: "Смута в умах!" Смута — и в разрыве дотоле единого звукового пространства. Оркестр с его лязгающим "пятидольником варнаков" остался внизу, в яме, хор же поднялся на яруса, будто на клиросы храма, тенью темнеющего в глубине сцены. Разрыв души, перекресток: "Какой путь выберет народ — путь разрушения или созидания?"

Какой? Тяжкий. Крестный.
Басы: *Мое счастье звать "Девка с придурью", будь хоть за морем — откликается;*

Сопрано: *"Ах, отстань, дурак!*

Чего надобно?"

Тенора, басы: *Чего надобно? Правды-истины... Красное с чернью!*

А потом — синева, тишина, звон колокола, неясные фигуры в церковных облачениях, огонек в тумане... и светлая молитва хора — сверху, с колоколами!

...Винт повернулся. Грязное, нежное, живое и жгучее, Аким и Герцев сходятся в драке... Дрожит хрупкая тишина, ласково брезжит тихий вальс любви (дуэт Акима и Анастасии). Но близок уж конец света!

Чем ближе к финалу, тем слышнее звон, тем плотнее сплетается он с мольбой хора. Но и тем яростней отвечают ему лязг, шум, стук, злобный блеск двух топоров Герцева и электропил в руках бравых парней. Схватка с природой разрывает душу, раздрой прорывается в вопле разладившегося, в крик и шепот "рассыпавшегося" хора...

И переходит кластер в тихий плач. Темнеет. Черное солнце незряче глядит на распятого, вздыбленного громадным стволем Герцева. И со дна медленно поднимается... нет, не звон, не песня! Прощальный дуэт Анастасии и Акима, "две души на пепелище", плач по погибающей природе и людям, потерявшим Святыню. Замечательно молчит хор — *silentium!* Тихо струятся ясные голоса струнных, и в покойных этих глубинах царственно проплывает гимническая мелодия тромбонов. И разворачивается, и расцветает в блеске виртуозных фигураций и благородных старинных ритмах нездешней, высокой, вечной музыки.

Оркестр под управлением Анатолия Чепурного и солисты-тромбонисты (А. Купицын, А. Авдеев, Т. Петросян, Д. Зиборов) достигают тут высшей власти. Этот музыкальный момент преображения, очищения, рожденья золота из свинцовой мути действительно завораживает. Не знаю, что ощутили зрители в Красноярске, думаю, нечто похожее. А я, зачарованный красотой музыки, уже несколько расслабленно смотрел, как народ на сцене выносит объемные части ("камни") храма и сдвигает, слагивает их, и черное солнце краснеет, венчая громадную фреску-плакат: крестьянская рубашка человечества, раскинутая руки-рукава над сердцем белого храма...

На Енисей! В Красноярск!

Только вот дождемся, когда "Царь-рыба" вернется домой с теплых морей Испании и Тайваня. Гастроли там намечены на июль-август. Лето пройдет — и вернется. А весна... она уже прошла.